

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО Вместо предисловия¹

Во втором томе вышедшей не так давно книги «История Благовещенска. 1856–1917»² представлены многочисленные, в том числе долгое время пребывавшие в забвении свидетельства — дневники, очерки, записки, документальные рассказы, воспоминания тех, кто в силу разных обстоятельств в дореволюционное время побывал на амурской земле. Конечно, в книгу вошли далеко не все заслуживающие внимания мемуарные тексты подобного рода. Впрочем, это и не удивительно: какая-то часть таких свидетельств, опубликованных в XIX столетии в малотиражных периодических изданиях, сегодня практически недоступна читателю и потому оказалась просто-напросто забытой.

К числу таких чрезвычайно интересных в историческом и культурном отношении мемуаров относятся «Записки сенатора Н.П. Синельникова», напечатанные более века назад в выходившем в Санкт-Петербурге журнале «Исторический вестник»³ и позже, по всей видимости, не переиздававшиеся. В советское время — наверняка.

Несколько слов об авторе «Записок», фрагменты которых мы предлагаем вниманию читателей «Амура».

Николай Петрович Синельников (1805–1894) — видный государственный деятель второй половины XIX столетия, выходец из небогатого дворянского рода Санкт-Петербургской губернии, всего в жизни добившийся исключительно благодаря своим способностям и стараниям. Образование Синельников получил во Втором кадетском корпусе (1817–1823). До 1851 г. он находился в ведении военного министерства, дослужился до чина генерал-майора. Во время польской кампании 1831 г. участвовал в сражениях, за храбрость награждался орденами. Затем был причислен к министерству внутренних дел, последовательно назначался губернатором Владимирской (1852), Волынской (1852–1855), Московской (1855–1857), Воронежской (1857–1859) губерний. В 1859 г. Синельников был назначен на должность генерал-интенданта первой армии, расквартированной в Польше. Ему тогда удалось почти невозможное — заслужить уважение

не только русской армии, но и борющихся за независимость поляков. С 1864 г. он сенатор, главноуправляющий тюрьмами всей России. И, наконец, в 1871–1874 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири. В 1873 г. Синельников был произведен в генералы от кавалерии. Вскоре после этого вышел в отставку, переехал вначале в Петербург, а затем в Харьков. Там в последние свои годы и написал «Записки», напечатанные уже после его смерти писателем Петром Павловичем Суворовым в «Историческом вестнике».

Впрочем, не будем ограничиваться изложением послужного списка сенатора Синельникова. Думается, для читателей «Амура» ничуть не менее важны человеческие качества автора «Записок».

Где бы он ни служил, какую бы должность ни занимал, Н.П. Синельников всюду оставил о себе добрую память. Он являл собой редкий тип российского администратора, к которому не пристало ни одно из таких «родимых пятен» отечественного чиновничества, как казнокрадство, мздоимство, кумовство, нечестность, злоупотребление властными полномочиями, угодничество перед вышестоящим начальством, пренебрежение нуждами простых людей. По дошедшим до нас свидетельствам, он был настоящей грозой взяточников и воров, в том числе и высокопоставленных (так, например, в «Записках» он прямо обвинял в казнокрадстве военного губернатора Забайкальской области Н.П. Дитмара). Это был администратор, который считался с общественным мнением, уважал человеческое достоинство. В отличие от некоторых современных сановников, сетующих, что им «не повезло» с народом, Синельников был убежден, что «русский человек соединяет в себе столько добрых качеств, что при управлении, основанном на правде и любви, века не поколеблют преданности его государю и родине» («Записки»). Увы, правда, справедливость, любовь к народу — не из самых почитаемых ныне добродетелей у тех, кто управляет и направляет.

Ещё одно важное свойство личности автора «Записок»: невероятная работоспособность — качество, которое он не утратил и в почтенном возрасте, вплоть до ухода в отставку (а ему тогда было около семидесяти). Современники рассказывают: Синельников всегда работал энергично и не считаясь со временем, порой по 17–18 часов в сутки. Даже за короткий период пребывания на посту он успевал сделать для вверенной ему губернии то, что не удавалось сделать другим губернаторам за более продолжительное время. Так, всего за 9 месяцев его пребывания во Владимире губернский город буквально преобразился: были замощены и благоустроены многие улицы, построено немало общественных павильонов и зданий. В Иркутске в бытность Синельникова генерал-губернатором во многом благодаря его усили-

¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда — Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

² История Благовещенска. 1856–1917: В 2 т. / Серия «Благовещенск. Из века в век». Т. 2. Благовещенск: Изд-во ОАО «Амурская ярмарка», 2009. 493 с.

³ Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. Т. 59. № 1. С. 39–75; № 2. С. 380–397; № 3. С. 721–736; Т. 60. № 4. С. 45–57, № 5. С. 373–387. № 6. С. 693–711; Т. 61. № 7. С. 27–46. Далее при цитировании «Записок» в круглых скобках указываются номер журнала и страницы.

ям и попечению был устроен дом для неимущих, произведён ремонт домов беднейших жителей, построены уют, учительская семинария, новый театр, земляной вал вдоль Ангары, госпиталь в Знаменском предместье, открыты юнкерское училище, отделение Сибирского торгового банка, читальня для бедных, введена нумерация домов. Губернатор лично проверял ход строительства и ремонта казённых зданий и решительно пресекал попытки погреть руки за счёт казны. Такой же неутомимости и исполнительности он добивался и от своих подчинённых, что нередко вызывало недовольство. В среде чиновничества распространялись слухи о чрезмерной вспыльчивости Синельникова, о том, что он рубит сплеча, бывает несправедлив. Такое мнение с особым рвением распространяли «пострадавшие», уличённые им в ненадлежащем исполнении обязанностей. Поэтому не без душевной боли автор «Записок» пишет: «На меня клеветали, извращая лучшие мои намерения, предпринятые для блага вверенной мне монархом страны» (№ 7. С. 29).

Генерал-губернатором Восточной Сибири Н.П. Синельников был назначен 21 января 1871 года. До него в течение десяти лет эту должность занимал М.С. Корсаков (1826–1871), ушедший из жизни в сорок пять лет. Николаю Петровичу в год назначения исполнилось шестьдесят пять, однако немощным старцем он себя не ощущал. Это был физически крепкий, энергичный, разносторонне образованный, начитанный человек, обладавший колоссальным жизненным и административным опытом. На покой он явно не спешил. Об этом говорит и тот факт, что в том же 1871-м, незадолго до назначения, он женился во второй раз (первая жена умерла четырьмя годами ранее).

Дальнейшее показало: чего-чего, а сил и энергии Н.П. Синельникову было не занимать. За время пребывания в должности генерал-губернатора Восточной Сибири – а это всего три года – он добился впечатляющих результатов во многих сферах жизни вверенного ему обширного края: в Восточной Сибири существенно возросла площадь посевных угодий, увеличилось число школ, прежде всего в отдалённых местах. Генерал-губернатор решительно выступал за радикальное сокращение числа питейных заведений, пытался, вопреки сопротивлению высокопоставленных столичных покровителей, добиться полного закрытия кабаков рядом с золотыми приисками (возможно, из-за своей настойчивости в этом вопросе он и оказался, по сути, в почётной отставке). В «Записках» он подробно рассказывает о своих усилиях, предпринятых в борьбе с теми, кто наживался на спаивании народа, о вызове его в Петербург, где на заседании комитета министров все его предложения по этому вопросу были отвергнуты. В Иркутск Синельников возвратился, по его собственным словам, «с полуразрушенной энергиею» (№ 7. С. 32). Можно только удивляться гражданскому мужеству этого человека, бросившего вызов высокопоставленным лицам в Петербурге (в том числе министру внутренних дел), которые, по мнению мемуариста, покрывали злоупотребления сибирских богатеев и чиновных мздоимцев, нанося тем самым тяжкий урон экономике Сибири, физическому и нравствен-

ному здоровью общества. Мужество автора «Записок» лучше понимаешь, когда узнаёшь, что даже через двадцать лет после описываемых в финальных главах событий, уже после смерти автора и его главного оппонента в винном вопросе – министра внутренних дел А.Е. Тимашева (1818–1893), редакция «Исторического вестника» не решилась напечатать мемуары Синельникова без купюр. В примечании к восьмой главе содержится адресованное читателям журнала уведомление, что она даётся в сокращении: «Это обстоятельство произошло не от воли редактировавшего “Записки” [имеется в виду упоминавшийся выше П.П. Суворов]. Драматизм изложения сибирской жизни, борьба с открытым злом, защищаемым сильными людьми, достигают в настоящей главе своей высшей точки. Мы не приняли, однако, на свою ответственность опубликовать ныне во всей полноте переписку по поводу злоупотреблений сибирских администраторов, между генерал-губернатором Восточной Сибири и генерал-адъютантом Тимашевым, как министром внутренних дел» (№ 7. С. 28).

Не менее настойчиво новый генерал-губернатор боролся с повсеместно вводимыми местным чиновничеством теневыми поборами с населения, принявшими форму дополнительного бремени для народа и негласного пособия для служащих. Автор «Записок» приводит данные об этих незаконных поборах с населения и делает неутешительный вывод: «Дороговизна местной жизни сама вопияла о том, что необходимо было обеспечить существование служилого люда, и тем снять тяготу его содержания с народа». Низкий уровень благосостояния мелкого сибирского чиновничества, по мнению Синельникова, действовал разлагающе: «Крайне ограниченное содержание, при дороговизне необходимых потребностей жизни, положило на сибирское чиновничество неизгладимое клеймо приниженности и безличия» (№ 6. С. 799). В том и заключалась житейская и административная мудрость автора «Записок», что он видел проблему во всей её объёмности и не питал иллюзий решить её исключительно административными взысканиями и уголовными преследованиями. Он сознавал, что «корыстное зло пустило настолько глубокие корни в крае, что для их извлечения нужны были не одни карательные меры, но целесообразные экономические и административные улучшения» (№ 6. С. 700).

Синельников не считал, что одними только мерами материальной поддержки населения можно разрешить проблемы края. Иногда финансовая поддержка со стороны правительства лишь порождала иждивенческие настроения и тем самым развращала людей. Так, например, Синельников говорит об ошибке, допущенной при ускоренном заселении края (имеется в виду постоянная опека над переселенцами «с выдачею ежегодно нуждающимся пособий из восьмидесяти пяти тысяч рублей, отпускавшихся правительством»): «Такая выдача приучила казаков существовать на казённый счёт, без приложения к жизни собственного труда» (№ 6. С. 705).

«Записки сенатора Н.П. Синельникова» охватывают огромный временной отрезок – полвека, но мы по вполне понятным причинам приведём лишь те фрагмен-

ты, которые имеют непосредственное отношение к пребыванию автора на Дальнем Востоке, на Амуре прежде всего, то есть написанные по впечатлениям от его поездки из Иркутска через Забайкалье и Приамурье в Приморскую область и обратно.

Хочется надеяться, что, познакомившись с избранными фрагментами «Записок», читатели нашего альманаха убедятся, что представленный в них взгляд на проблемы региона – взгляд из прошлого – помогает лучше понять настоящее.

Александр Урманов

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н.П. СИНЕЛЬНИКОВА (Фрагменты)

«Здесь [речь о большом торговом селе Кабанском] меня встретили обычные жалобы народа на тёмные поборы и чиновничьи притеснения. Кругом меня царила грустная картина. Обилие питейных домов, переломанные мосты, сломанные перила и тумбы, сияющие лица сынов Израиля ясно говорили мне о ничегонеделании местной администрации, об отсутствии высшего над нею надзора. Я думал: если бы господа покровители еврейской виноторговли взглянули разумно на виденные мною печальные явления, они убедились бы, как вредно ложится на народ безучастное отношение к нему учреждений, созданных не к поголовному спаиванию людей, а для поддержания их здоровья и необходимых сил в обычных работах» (№ 6. С. 702).

«Город Сретенск, от которого река Шилка делается судоходною, составляет складочный пункт для казённых и частных грузов. Они спускаются в Амурскую и Приморскую области с открытием весенней навигации. Сухопутное сообщение с Амуром было возможно только зимою по льду. Устройство береговой дороги, о которой были сделаны разыскания ещё до моего генерал-губернаторства, я предположил произвести каторжными арестантами» (№ 6. С. 704).

«При слиянии Шилки и Аргуни, возбуждающих спор, которой из названных рек принадлежит исток Амура, начинается Амурская область. Она стоила правительству огромных издержек. Область своим устройством подействовала неблагоприятно на всё Забайкалье и простёрла влияние даже на Иркутскую губернию. В последней живы были ещё воспоминания о чрезмерных затруднениях при перевозке на страх китайцам крепостных чугунных орудий, не сделавших ни одного выстрела и покоящихся в назидание потомству на берегах Амура. Другие вынесенные сибиряками повинности, а также гибель от голода людей почти двух батальонов, отправленных для завоевания Амура, живут и доселе в памяти восточной окраины.

Приамурское население образовалось частью из казаков Забайкальской области, насильственно отчуждённых от своих гнёзд, и из женатых штрафованных нижних чинов, присланных из внутренних гарнизонных батальонов Европейской России. Благодаря бога, вредный элемент в моё время значительно уменьшился. Среди амур-

ских казаков хотя слышались жалобы на неудобства земли, отдалённость полей и пастбищ, на опасности от наводнений, но не было видно безысходной бедности. Вольные крестьяне, переселившиеся на Амур несколько лет назад из Воронежской губернии и избравшие сами места для поселения, объяснили, что им жить хорошо и привольно, что они обстроились, уплатили сделанную им ссуду и продают избытки хлеба на золотые промыслы» (№ 6. С. 704).

«Другая важная ошибка при заселении Амурской области состояла в том, что при постройке станиц по берегам рек преимущественно наблюдалось равенство расстояний, а не хозяйственные удобства селящихся. Вследствие сказанного половодье 1872 года снесло не-